

в представление-схему и даже в наглядное представление. И, наоборот, понятие, перешедшее в научное мышление из обыденного, включается в теоретическое движение от абстрактного к конкретному и в результате, развиваясь, приобретает более глубокое, а иногда и совершенно иное содержание. Поэтому при формировании научного мышления особую роль играет овладение логической культурой мышления, а не только содержательными знаниями.

Такова, вкратце, специфика стилевой детерминации языка науки.

СТРУКТУРА КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ⁷

М. Н. Руткевич

*член-корреспондент АН СССР,
доктор философских наук, профессор*

Прогресс научного знания в XX в. находит свое философское обобщение в развитии диалектического материализма. Диалектический материализм как всякая теоретическая наука представляет собою систему категорий, в совокупности своей отображающих наиболее общие связи и законы мира. Развитие диалектического материализма находит концентрированное отражение в совершенствовании системы категорий, притом двояким образом: обогащаются устоявшиеся, «классические» категории, которые можно уподобить узлам в логическом каркасе философской системы, и происходит становление новых либо ранее уже намеченных пунктиром узлов этого каркаса.

Если в столь общей форме данная мысль обычно не встречает возражений, то несколько иным образом обстоит дело при конкретном рассмотрении философских категорий или «кандидатов» в таковые. Здесь дают о себе знать крайности. Нередко приходится наблюдать опрометчивые попытки причислить к философским категориям понятия, заимствованные непосредственно из физики (например, инвариантность), кибернетики (например, информация) и других наук, которые либо не обладают всеобщностью, либо их всеобщность по своей природе физическая, т. е. такова же, как, например, всеобщность тяготения. Эти попытки вызывают ответную реакцию: во многих трудах по диалектическому материализму перечень категорий ограничивается только теми, которые встречаются у Энгельса, а любые дополнения к этому перечню прямо либо подспудно расцениваются как нечто противоречащее установкам, сформулированным классиками марксизма.

⁷ Руткевич М. Н. Лекция 14. Структура как философская категория // Категории диалектики (теоретико-методологические проблемы): Цикл лекций / Под ред. И. Я. Лойфмана. Екатеринбург: Урал. ун-та, 2003. С. 134–147.

В данном случае истина оказывается лежащей где-то посередине. Но для того, чтобы найти в этой «середине» истину, требуется конкретный анализ конкретной ситуации, т. е. анализ философского содержания каждого данного общенаучного понятия. Сказанное в полной мере относится и к понятию структуры, которое в философской литературе употребляется постоянно и, более того, стало объектом специальных исследований. Можно ли считать структуру философской категорией? И если да, то каково ее содержание и место в системе философских категорий? Вот вопросы, на которые мы хотели бы дать достаточно полный ответ.

Нам представляется бездоказательной точка зрения, будто понятие структуры порождено научно-технической революцией XX в. и, в частности, появлением новых областей знания, таких как кибернетика и семиотика. Значение этого понятия действительно возросло в связи с появлением названных наук, но и — в не меньшей степени — в связи с прогрессом математики, лингвистики, этнографии и т. д. Однако понятие структуры отнюдь не ново, оно обладает достаточно внушительным стажем. Латинское слово «структура» переводится на русский как «строение». Классическая химия XIX в. выдвинула теорию строения молекулы; физика начала XX в. создала теорию строения атома; квантовая физика и квантовая химия развили эти теории дальше. Следовательно, по существу своему понятие *строение*, *структура* в науке не отличается новизной. Другое дело, что именно в середине XX в. оно получило распространение и в общественных науках и, более того, «вошло в моду».

Но точно так же, как использование эмпириокритиками понятия «опыт» не может поколебать нашего почтения к опыту, так и использование термина «структура» так называемым структурализмом (а также близкими течениями, например, функционализмом в социологии и т. д.) не должно как-либо сказываться на нашем отношении к структуре реальных объектов, а тем самым и к отображающему ее понятию. Но при этом, само собою ясно, надо отделять структуру как чрезвычайно богатое по своему содержанию научное понятие, имеющее философский смысл, от спекуляций вокруг этого понятия.

Если говорить о марксистской философской литературе, то указанные выше крайности проявляются в ней в трактовке структуры следующим образом. С одной стороны, появилось немало статей и книг, в которых системно-структурные методы исследования, развитые Соссюром, Берталани, Леви-Строссом и другими учеными применительно к той или иной конкретной области знания, пересказываются от лица философии марксизма, притом пересказываются так, что либо вовсе не ставятся в связь

с диалектикой, либо неявно противопоставляются ей. Встречающееся в ряде эстетических работ определение сущности искусства по произвольному набору признаков демонстрирует нарушение элементарных требований диалектики. Между тем такого рода определения подчас оцениваются лишь как нестрогий системный подход, поскольку совокупность взятых признаков не является необходимой и достаточной для характеристики объекта. Безусловно, выбор из многих, а строго говоря, из бесконечного числа признаков объекта существенных и выяснение характера взаимосвязи между ними есть важнейшее требование научного познания, которое вытекает как из диалектики, так и из системного подхода, поскольку последний стихийно или сознательно опирается на диалектику. Однако это не дает оснований более широкие и более общие требования, предъявляемые теоретическому мышлению диалектикой, подменять более узкими требованиями системно-структурного подхода.

Другие авторы увязывают диалектику и системно-структурный подход, но так, что диалектика оказывается подчиненной стороной. Весьма характерна в этом отношении постановка вопроса у В. С. Тюхтина, который пишет, что, по его мнению, «эффективная переработка философских категорий лежит... на пути *переосмысления* содержания категорий и законов материалистической диалектики *на основе системно-структурного подхода...*»⁸ О. С. Зелькина попыталась выполнить намеченную В. С. Тюхтиным программу⁹, хотя по существу (и к счастью) отошла от этой программы и не без успеха рассмотрела ряд категорий диалектики в их связи с категориями элемента и структуры.

С другой стороны, реакция на модничанье подчас оказывается чрезмерной. В интересующем нас случае это находит свое проявление в попытках объявить системно-структурный подход не имеющим отношения к философии, поскольку, мол, это метод конкретных наук, который не несет в себе философского содержания. Верная мысль о неправомерности противопоставления системно-структурного анализа диалектике и тем более о «переработке» диалектики утрируется настолько, что сам этот анализ – вопреки фактически уже сложившемуся положению – объявляется не имеющим отношения к философии, а используемые им категории (система, элемент, структура, функция) «отлучаются» от системы философских категорий марксизма. Нам такая постановка вопроса представляется также неправомерной. Системно-структурный

⁸ Тюхтин В. С. Системно-структурный подход и специфика философского знания // Вопросы философии. 1968. № 11. С. 57.

⁹ Зелькина О. С. Системно-структурный анализ основных категорий диалектики. Саратов: Саратовского ун-та, 1970.

анализ и лежащая в его основе теория систем не могут быть полностью отнесены к философии, ибо включают в себя чисто математические разделы и технические приемы исследования. Но они имеют свои *философские основания*, которые к тому же допускают разную интерпретацию. Эти философские основания более всего как раз и дают о себе знать в исходных понятиях системно-структурного подхода, которые обладают всеми признаками философских категорий. Действительно, перечисленные нами выше категории применимы ко всем областям реального мира, также к мышлению и к процессу познания, а не в этом ли основной признак философских категорий? Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Преодоление указанных крайностей необходимо для того, чтобы развивать диалектику за счет философского обобщения достижений теории систем и системно-структурного подхода. Это означает не переработку диалектики, а обогащение ее категорий, в отношении же понятий «система», «элемент», «структура», «функция» - включение их в общую систему категорий диалектического Материализма. Интересы критики структурализма как философского течения также требуют преодоления этих крайностей. Бездумное переписывание у Бергаланфи, Леви-Стросса или Парсонса (а примеров такого переписывания можно было бы дать немало), обрамляемое «для приличия» несколькими ссылками на Маркса, вызывает решительные возражения. Но точка зрения, выносящая эти концепции за рамки философии, преодолению этих ошибок не способствует, ибо она тем самым, во-первых, безоговорочно уступает им философское господство в конкретных науках и, во-вторых, не желает видеть тот несомненный факт, что эти концепции фактически используются как философский противовес материалистической диалектике, так как в них выдвигается вполне определенная *философская концепция связи*. В связи с этим нельзя согласиться с позицией В. А. Лекторского и В. С. Швырева, которые полагают, что системный подход тождествен «конкретно-научной разработке методологии» и поэтому не имеет философского характера¹⁰. Мы уже писали ранее, что борьба диалектики и ее противников сегодня – *это борьба двух концепций связи и развития*, причем материалистическая диалектика есть научная концепция, в то время как структурализм (в широком смысле) дает одностороннюю трактовку принципа всеобщей связи и разрывает принцип связи и принцип развития¹¹.

В данной лекции, специально посвященной анализу категории «структура», мы исходим из того, что системно-структурный

¹⁰ Лекторский В. А., Швырев В. С. Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода // Вопросы философии. 1971. № 1. С. 150.

¹¹ См.: В. И. Ленин и диалектика. Свердловск: Урал. ун-та, 1970. С. 7–11.

подход поневоле оказывается в большей или меньшей степени философским подходом. И все дело, следовательно, в том, какое содержание вкладывать в используемые им основные категории, начиная с основного понятия структуры, которое в наши дни явно приобрело философский характер, притом у самых различных по своей ориентации философских направлений.

Органическое включение этого понятия (и ряда сопряженных с ним) в систему категорий диалектического материализма нам представляется назревшим. Это необходимо как для обогащения системы категорий диалектического материализма, так и для того, чтобы разграничить в системно-структурном подходе техническую сторону (приемлемую при различном мировоззрении) и философскую сторону и, наконец, для критики философских течений, сделавших структуру (систему, функцию) своим знаменем.

Характерная черта «классических» категорий диалектики состоит в том, что каждая из них – в полном соответствии с учением о единстве и борьбе противоположностей – имеет сопряженную категорию, причем они настолько тесно связаны, взаимопроникают друг в друга, что их нельзя рассматривать иначе, как совместно. Более того, случайное всегда в определенном отношении есть необходимое, количественное различие в ином отношении выступает как качественное, сущность выступает как явление по отношению к сущности более глубокой и т. д. и т. п. Иначе говоря, все категории диалектики характеризуют связи, все они соотносительны и все они содержат в себе свою противоположность.

Нетрудно заметить, что структура не имеет «противопонятия» *такого рода*. Наиболее часто сопоставляемое со структурой понятие элемента отображает прежде всего вещественные элементы, а не связи между ними. Диалектическим дополнением элемента как части выступает не структура, а система, т. е. целое. А соотношение части и целого удовлетворяет всем указанным выше требованиям: то, что выступает как часть в одном отношении (к обширному целому), есть целое по отношению к своим частям.

Дело, по-видимому, заключается в том, что диалектический материализм шире, чем диалектика, а философские категории не сводятся к категориям диалектики. Нам уже приходилось говорить о том, что система категорий диалектического материализма включает в себя ряд подсистем, в частности, система гносеологических категорий выступает в качестве одной из таких подсистем¹². Попытки выделить в системе категорий диалектического материализма ряд связанных между собою подсистем были сделаны рядом

¹² См.: Руткевич М. Н. Актуальные проблемы ленинской теории отражения. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. С. 21 – 22..

ученых¹³. Не обсуждая здесь дискуссионные моменты, содержащиеся в этих трудах, отметим, что категории «*вещь*», «*свойство*» и «*отношение*», как правило, выделяются в группу, в подсистему онтологических категорий, т. е. категорий, характеризующих самое объективную реальность, а не процесс познания. Специфика этой группы (узла, подсистемы), ее отличие от категорий диалектики, отображающих связь и развитие, несомненна, поскольку именно в этой группе категорий фиксируется соотношение материи, ее свойств, присущих ей отношений. Если «*вещь*» — понятие того же ряда, что и понятия «*тело*», «*материя*», то понятие «*отношение*» в своем исходном, базисном смысле выступает как отношение между материальными телами, вещами. Отношения между вещами обладают объективностью, т. е. существуют независимо от сознания, и в этом смысле материальны. Они присущи материи, но они не есть сама материя как таковая.

Здесь уместно сделать два замечания. Во-первых, мы не будем рассматривать вопрос о свойствах, которые проявляются через отношения, — это нас уводит от темы в сторону. Несомненно, что объективность в указанном смысле присуща и свойствам материи включая такие коренные ее атрибуты, как пространство, время движение. Во-вторых, отношение может быть, безусловно, не только отношением между вещами, но и соотношением вещей и свойств отношением объективных отношений, отношением мысли к объекту и, наконец, отношением мыслей, т. е. отношением в духовной сфере между идеальными объектами. Иначе говоря, над объективными отношениями между вещами как отношениями первого порядка надстраиваются отношения второго и т. д. порядков в материальном мире и вся эта иерархия отношений находит отображение в сознании, включая изучение отношений между понятиями высокой степени абстракции. Но этот общеизвестный факт не должен закрывать собой то, что объективные отношения между вещами лежат в основе всей иерархии отношений. Именно объективные отношения между вещами должны быть в центре внимания при анализе понятия структуры в его первоначальном, исходном значении.

Понятие «структура» — вместе с понятием «элемент» — появляется при пересечении двух различных плоскостей сечения объективной реальности. Одна из этих плоскостей была уже упомянута выше: она членит объективную реальность на материю как таковую и присущие ей отношения (и свойства), на *вещи* и *отношения*. Первое выступает как носитель, как субстанциальная основа второго, вещи не существуют вне отношений и помимо них, но вместе

¹³ См.: Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л.: ЛГУ, 1956; Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

с тем отличны от них. Так, притягивающиеся тела, будучи носителями сил гравитации, отличны от этих сил и от закона тяготения; взаимодействующие в химической реакции атомы отличны от электромагнитных сил химического сродства, люди – от существующих между ними общественных отношений.

Вторая плоскость сечения появляется тогда, когда мы переходим от общего к отдельному, от вещей вообще – к отдельной вещи и тем самым от отношений вообще – к отношениям, объективно существующим внутри данной вещи, а также между данной вещью и иными вещами. Неисчерпаемость материи, ее бесконечность вширь и вглубь находит свое выражение в категориях *целого* и *части*. Любой предмет, любое отношение, самостоятельное бытие выступает как нечто отграниченное от других предметов, как целое. Но целое состоит из взаимосвязанных, взаимодействующих, переплетающихся друг с другом частей. В свою очередь, каждая из этих частей выступает как целое, и так без конца. Эта старая философская идея вполне может быть выражена и в понятиях теории систем. Целое есть система, которая состоит из элементов (частей, подсистем), а элементы, в свою очередь, суть системы низшего порядка. Иначе говоря, каждое тело, взятое в определенном «разреze», выступает как система, обладающая определенной структурой, а *структура есть взаимосвязь элементов* или, что то же, *взаимоотношение элементов*. Мы не видим принципиального различия между категориями «связь» и «отношение», полагая их однопорядковыми.

Само собой разумеется, что части системы, ее элементы обладают «элементарностью» во вполне определенном отношении. Так, атом элементарен как носитель сил химического сродства, но вовсе не элементарен и даже, напротив, выступает как система по отношению к ядру и элементарным частицам. Последние, будучи элементами в системе атома, обладают строением, которое ныне подлежит выяснению: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна...»¹⁴.

Итак, структура и элементы суть не что иное, как *отношения* и *вещи*, конкретизированные применительно к *отдельному* объекту, который рассматривается как *целое*, состоящее из *частей* или, иначе, как система, состоящая из элементов, находящихся в определенной связи. *Структура есть связь элементов системы, отношение между элементами системы*.

Изложенное понимание структуры как философской категории, на наш взгляд, имеет опору в известном предисловии «К критике политической экономии». Объектом рассмотрения К. Маркса являлось общество на определенном этапе развития

¹⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1980. Т. 18. С. 277.

производительных сил и производственных отношений: «Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества»¹⁵. Под структурой К. Маркс понимает, таким образом, *совокупность отношений*. Поскольку объект был определен ранее (общество), угол рассмотрения объекта как системы (экономическая система) был также точно указан, под вещественными Цементами общества подразумеваются классы, социальные группы и в конечном счете индивиды, то определение структуры как *совокупности отношений между входящими в систему элементами* может быть кратко воспроизведено как «совокупность отношений».

В отечественной философской литературе, однако, доминируют иные определения. В основном они сводятся к двум типам. Первый из них представлен прежде всего В. И. Свидерским, много сделавшим для анализа структуры и близких к ней категорий.

В одном пункте наше определение существенно отличается от определения, данного В. И. Свидерским и многими иными за ним следующими авторами. В. И. Свидерский пишет: «Под понятием структуры мы будем понимать *принцип, способ, закон* связи элементов целого, системе отношений элементов в рамках данного целого»; в другом месте о структурах говорится, что это «*способы, принципы, законы связей и отношений*»¹⁶ (выделено мной – М. Р.), Заметим мимоходом, что термин «принцип» в данном случае не подходит, так как принципы принадлежат познанию, мышлению, а речь идет о самой объективной реальности. Не очень удачно также употребление в данном контексте термина «система», ибо одновременно речь идет о целом как системе, включающей в себя и элементы, и структуру. Если структура есть «система отношений», то чем она отличается от системы как целого, вещи, объекта? Именно из таких терминологических неточностей могут вырасти попытки отождествления структуры с системой, и об этом речь впереди.

Но главное не в этих неточностях. Если определить структуру просто как закон связи элементов (опустив «способы» и «принципы»), то это определение, на наш взгляд, сужает понятие структуры, ограничивая совокупность отношений *законом* этих отношений, или, что то же, выбирая из всех связей только существенные.

Но почему структура – это только *закономерные* связи? Кристалл полупроводника, например германия, имеет определенную структуру. Закон этой структуры – вполне определенный геометрический порядок расположения атомов в узлах решетки

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 6 – 7.

¹⁶ Свидерский В. И. О диалектике элементов и структуры. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 26 – 27.

при отсутствии дефектов и примесей. Но реальный кристалл всегда имеет нарушения решетки и примеси, и, кстати сказать, способ практического использования кристалла германия определяется тем, насколько велики эти нарушения и примеси.

Реальная структура кристалла есть совокупность конституирующих данное целое связей между элементами (атомами, молекулами, ионами – в зависимости от типа кристалла). Эта структура подчинена у каждого кристалла определенному *закону*, который, как все законы, как всякая общая необходимость, проявляется через случайности. Безусловно, при познании строения кристалла главная наша задача – выявить закон его строения. Но из этого не следует, что закон исчерпывает реальную структуру, реальную совокупность связей.

Аналогичным образом обстоит дело и при рассмотрении экономической структуры общества. Эта структура есть совокупность связей между элементами, т. е. между классами, социальными группами, индивидами, взятыми в их отношении к производству. При познании экономической структуры главное внимание обращается, безусловно, на познание закономерностей экономической жизни общества данной формации, на законы его деления на классы, на законы классовых отношений, классовой борьбы. Но реальная структура и в данном случае не исчерпывается законами. И в познании, и в практической деятельности необходимо учитывать не только экономические законы и законы классовой борьбы, но также конкретные формы их проявления на данном этапе, не только закономерные тенденции развития классовой структуры, но и флюктуации, отклонения, через которые тенденции только и могут действовать. Так, мелкое производство в целом сокращается в развитых странах, но в данном году в данной отрасли оно может расширяться, так что число мелких собственников временно возрастет. Подобные флюктуации социальной структуры, безусловно, также подлежат изучению. Нам представляется несомненным, что Марксово понятие экономической структуры общества вбирает в себя не только законы, но и формы их проявления.

Иначе говоря, если главное и в самой структуре, и в процессе ее познания – законы, то из этого не следует, что структура – это только закономерная связь между элементами. Многие авторы это чувствуют и в своих определениях структуры пытаются смягчить Достаточно жесткую формулировку В. И. Свидерского. Например, в книге «Структура и формы материи» читаем: «Структура может характеризоваться как некоторое относительно устойчивое отношение связей вещественных элементов»¹⁷.

Опустим вопрос о вещественности элементов. Применительно к материи справедливо говорить прежде всего о них, более общее

¹⁷ Структура и формы материи. М.: Наука, 1967. С. 154.

определение системы, элементов и структуры должно включать в себя системы, элементами которых могут выступать акты обмена или вообще взаимодействия между людьми (из чего исходит, кстати сказать, вся «теория социального действия» Т. Парсонса), т. е. система и ее элементы могут быть взяты целиком в сфере отношений. Но здесь нас интересует иное, а именно слова «относительно устойчивое». То, что структура обладает относительной устойчивостью, несомненно. Но столь же несомненно, что она обладает и «относительной подвижностью» (изменчивостью и развитием). Если в определение вводится только одна сторона диалектической противоположности, то это означает, что в определение введен закон, сущность, которая обладает сравнительно с явлением большей устойчивостью. Связывать структуру только с устойчивостью – значит делать шаг во вполне определенном направлении. Структурализм в этнографии, структурно-функциональная школа в американской социологии и т. д. – все они так или иначе противопоставляют структуру развитию¹⁸.

Преувеличение этой стороны, соединенное с отказом от выяснения специфики структуры, находит свое выражение во втором типе определений, когда под *структурой* понимают *закон системы*. Подобное понимание структуры так или иначе сводит систему к структуре. Но в известной мере подобная точка зрения получила распространение и в философской литературе, подчас даже в справочной. Например, Н. Ф. Овчинников полагает, что структура покрывает собой и элементы, и систему, вмещая в себя «устойчивость» последней, вследствие чего он вводит «три аспекта» структуры: аспект элементов, аспект связей и аспект целостности¹⁹. В своей статье в «Философской энциклопедии» этот же автор определяет структуру как «относительно устойчивое единство элементов, их отношений и целостности объекта, инвариантный аспект системы»²⁰.

В этом определении структура, во-первых, поглощает элементы, их отношения (т. е. структуру как таковую) и связь первого и второго, т. е. полностью равнозначна системе, целостному объекту. Во-вторых, для того чтобы разделить структуру и систему, структурой понимается «относительно устойчивое». А это, как мы уже подчеркивали, есть иное название закона, ибо закон как существенное отношение обладает большей устойчивостью, чем система в целом. Дополнительное определение («инвариантный аспект системы») еще более его ухудшает. Инвариантность есть

¹⁸ См. об этом, напр.: Угринович Д. М. Марксизм, структурализм, функционализм // Вестник МГУ. Серия филос. 1970. № 3. С. 49–50.

¹⁹ См.: Овчинников Н. Ф. Принципы сохранения. М.: Наука, 1970. С. 271.

²⁰ Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. С. 140.

сохраняющееся в процессе превращений. Инвариантностью обладают наиболее фундаментальные законы физики; применять этот термин в других областях, например в биологии или общественных науках, нет нужды. Следовательно, вводить это понятие и в общее определение структуры не следует.

Итак, нам представляется, что определение, отождествляющее структуру с законом системы, не выдерживает критики. Оно противоречит как этимологии слова «структура» (строение), так и общепринятому его употреблению в науке. Что же касается философского содержания понятия структуры, то истолкование структуры как закона приводит всего-навсего к появлению синонима у категории «закон», и тем самым категория структуры как особая категория становится просто ненужной.

Совершенно иным образом обстоит дело, когда мы исходим из философского содержания категории «структура» – как *отношения элементов в системе*. Система, элементы и структура, являясь на пересечении категорий «вещь» и «отношение», «часть» и «целое», заполняют намеченные ранее лишь пунктиром узлы в системе категорий диалектического материализма. И если первоначальный смысл понятия структуры вытекает из применения этого понятия к связи между вещами, телами как материальными объектами, состоящими из материальных же частей, то надстройка над этим базисным значением поистине необъятна. Мы уже отмечали выше и хотим еще раз подчеркнуть, что элементами материальной системы могут быть не только тела, но и отношения и что система может быть мыслительной, а это предопределяет для данного случая идеальный характер, как элементов, так и структуры.

Именно это обстоятельство эксплуатируется позитивизмом, который, находя идеальные элементы в создаваемых нашим мышлением системах, переносит это правило и на объекты, включая объекты природы, вследствие чего исходное различие между элементами и структурой как вещами и отношениями затемняется и вовсе исчезает. Если для структурализма структура в общем представляется чем-то застывшим, не подлежащим развитию, то для материалистической диалектики развитие объектов, безусловно включает в себя развитие их структур.

Онтологические проблемы находят свое продолжение в проблемах гносеологических. Если структура есть связь элементов системы в реальном мире, а также в мышлении, то как соотносятся между собой структура объекта и структура нашего представления о нем? Из общих посылок теории отражения следует, что структура наших представлений об объекте является более или менее точным отображением структуры объекта. Но то, что представляется весьма простым в случае наглядного представления, не столь просто

в случае наиболее абстрактных продуктов сознания, к каковым относятся и научные теории. На наш взгляд, теория отражения, стоящая на позициях диалектики и кладущая практику в свою основу, позволяет обнаружить в иерархической структуре научной теории более или менее полное и точное отображение иерархии реальных структур объекта. Именно это имеет решающее значение для критики структурализма, склонного отождествлять реальные структуры либо с бессознательными структурами человеческого поведения, либо с конструкциями, сознательно создаваемыми мышлением.

ОНТОГЕНЕЗ ДУХОВНОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МАКСИМ КУЛЬТУРЫ²¹

И. Я. Лойфман

*заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор философских наук, профессор*

Путь дороги не знает.

Русская пословица

На Пути нет хоженных троп.

Чаньское изречение

Жизненный путь человека определяется объективно необходимыми требованиями общества и субъективно свободным выбором жизненных ценностей и поступков. На этом пути каждому приходится делать судьбоносный выбор, решать такие проблемы, как цель и позиция в жизни, призвание и судьба человека, подлинность и неподлинность бытия, ценность и смысл жизни, смерть и бессмертие и др. О смысложизненных проблемах юности, зрелых лет, старости и о роли максим культуры в выборе жизненной дороги и в движении человеческого духа пойдет речь в настоящей статье.

В юности, на этапе подготовки к самостоятельной трудовой деятельности, главной является проблема перспективы существования, определение цели и идеала жизни, указывающих путь к будущему и к совершенству. Поиск ответа на вопросы, какой я есть (потенциально) и каким я намерен стать, выходит на потенциальный уровень человеческой сущности и существования, требует оценки человеком своих способностей и потребностей. Человека создают природа и общество, и он в то же время создает сам себя. Существуют генетические задатки способностей и потребностей, реализация этих задатков, развитие способностей и потребностей – дело воспитания, но, по свидетельству Д. И. Менделеева, нет без явно усиленного трудолюбия ни талантов, ни гениев.

²¹ Лойфман И. Я. Мировоззренческие штудии: Избр. работы. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С. 9–16.